

## **Борьба с экстремизмом должна быть системной и вестись постоянно**

**Эдуард СКАКУНОВ, Институт конфликтологии и управления стабильностью**

Анализ угроз, которые создает в настоящее время национальный экстремизм, показывает, что в течение 90-х годов произошли некоторые существенные изменения. Первая половина 90-х годов была отмечена тем, что обычно называют этнонационализмом, то есть конфликтами между этническими нерусскими общностями (иногда это были республики) и федеральным Центром. В данном случае понятие "этнонационализм" находится в русле той дискуссии, которая сейчас здесь развернулась. Под "этнотами" понимаются первичные группы, структурирующие общество. Слово "нация" (по-английски "nation") очень часто переводят как "государство". То есть это были конфликты между такими группами, которые имели государственно-подобную форму, скажем Чечня и Центр. К счастью, как мне кажется, в нашей стране этих этнонационалистов не так много. Есть другой термин, который используется, когда говорят о конкурирующих или соперничающих общинах. Большая часть этнических групп в нашей стране является этими соперничающими, конкурирующими общинами, а не этнонационалистами. К числу этнонационалистов, безусловно, относится Чечня, она себя уже проявила в войне 1994–1996 годов. Какие-то элементы этнонационализма, на мой взгляд, существуют у татарских и башкирских групп, которые имеют в истории насильственные столкновения с Россией. По оценкам ученых-конфликтологов, которые занимаются межэтническими конфликтами, такой исторический опыт является нередко причиной ныне проявляющихся конфликтов.

После принятия в 1992 году федеративных договоров реализовывались серии двусторонних договоров (Москва – субъекты Федерации), и на основе этих договоров принимались межправительственные соглашения, скажем, о разделе имущества, собственности по отдельным сферам управления. Мне кажется, эти федеративные договоры в значительной мере смягчили межэтно-национальное соперничество между этими группами и Центром. Но, к сожалению, на мой взгляд, они способствовали активизации другого уровня соперничества, которое возникло уже внутри нерусских субъектов Российской Федерации, и перешло на групповой уровень конфликтности. В настоящее время, помимо известных событий в Чечне, осетино-ингушского конфликта, продолжают активизироваться конфликты уже внутри, например, Кабардино-Балкарии. Проблема Дагестана является групповой проблемой, поскольку многие группы оказались не допущенными к власти. Сейчас в основном проблема состоит в том, что децентрализация управления в России была осуществлена в условиях неразделенности политической и экономической систем, которая позволила не только в Центре, но и на уровне регионов так называемой правящей элите, принимая политические решения, перекладывать власть из одного кармана в другой, чаще всего из государственного кармана, ну, если не в свой собственный, то не очень далеко от себя. Увлекаясь этим, власть забыла, что ее первоначальной функцией является функция управления. Эта проблема вызывает в настоящее время, на мой взгляд, тенденцию к обострению соперничества внутри субъектов (не русских, повторяю), когда отдельные группы, например, лезгины в Дагестане, я уже не говорю об акинцах, не восстановили свой статус после репрессий. Очень многие группы настаивают на перераспределении власти. Разумеется, если власть отягощена собственностью, то те, кто ее сегодня имеют, не хотят ее отдавать. Эта проблема мне кажется очень важной причиной, способствующей национальному экстремизму в нерусских обществах. Другая сторона состоит, мне думается, в том, что активизируется соперничество уже внутри русской нации. В качестве примера можно говорить о Русском национальном единстве. Это объединение демонстрирует те угрозы, которые могут ожидать нас в будущем. Хотя, по некоторым оценкам, это движение насчитывает от 25 до 100 тысяч членов, оно представляет собой только пробуждающийся вулкан конфликтности, поскольку в его состав вошла маргинальная часть русского населения страны. Это та часть населения, которая в годы сталинских передвижений (коллективизации, раскулачивания) была перемещена с одних территорий на другие. В результате эти люди, которые чаще всего имеют аграрные корни, очутились в необычных для себя условиях города с его культурой и урбанизацией, усвоили кое-какие элементы этой городской культуры. В любом обществе есть такая маргинальная часть, но масштабы этой части у нас поистине громадны – по моим подсчетам, она составляет около 30 процентов населения страны. Это так называемая латентная часть уже пробужденных модернизацией к жизни людей, которые сохранили коллективистские представления, по своему менталитету продолжают быть тем, что называют "человек в группе". Это, как считают многие конфликтологи, та часть людского потенциала, которая наиболее взрывоопасна, наиболее конфликтоносна, наиболее предрасположена к нестабильности, к резкой смене своих ориентаций. Это всегда усугубляет проблемы взаимодействия с этими людьми. Но здесь я хотел бы высказать мнение о том, что это все-таки наши люди, мы живем в одной стране. И если мы, как часто бывает, оцениваем этих людей с позиции антигуманитарной

направленности их деятельности, то давайте не будем забывать, что истинное уважение прав человека должно сочетаться с пониманием мотивов, которыми руководствуется эта часть населения нашей страны.

Я согласен с выступавшим здесь Вячеславом Никоновым в том, что, конечно, более близкими факторами, которые оказывают сейчас воздействие на активизацию потенциала этой части населения, прежде всего являются факторы социальной дискриминации. Вообще, проблема дискриминации где-то витает, мы вроде привыкли к этому слову, как и ко многим другим. Но ощущение дискриминации, определенных лишений, неравенства для такой страны, как наша, – это двигатель, который приводит в движение людские массы. Социальная дискриминация в отношении именно этой части населения проявляется прежде всего в колоссальной безработице, которая в настоящее время коснулась около 15 миллионов человек (по некоторым данным – 20 миллионов). Это огромная цифра, которая в 3 раза превосходит рубеж, при котором начинаются процессы социальной напряженности (обычно считают рубежом 5 процентов). Безработица сказалась на той части населения, которая проживает, как правило, в городах и маленьких поселках и существует на заработную плату.

Тогда как сельская часть населения на том же Северном Кавказе (нерусские этнические группы) преимущественно ориентирована на натуральное хозяйство, и те социальные невзгоды, которые принесли последние годы, переносят там легче. В стране в целом резко снизился уровень жизни (даже без учета тех последствий, которые произошли после 17 августа). Считается, что с 1991 года жизненный уровень снизился более чем в 2 раза.

Эта часть населения считает себя политически дискриминированной, поскольку, сохраняя традиционный менталитет, она, живя в городах, не имеет собственной общественной организации в виде общин или колхозов. А если она не имеет общественной организации, она не имеет политического участия в управлении государством, то есть не принимает участия в решении политических проблем страны.

Для разбуженного модернизацией человека (который, как правило, является своего рода моралистом или агитатором, он более активен, чем традиционно ориентированный человек, в нем уже пробуждаются какие-то политические чувства) отсутствие политического участия в управлении государством является мерлом политической дискриминации.

Пользуясь тем, что говорю в присутствии и для представителей средств массовой информации, хотел бы обратить внимание на термин "политическое участие". Я должен сказать, что понятие "политическое участие" – это знаменитый институт политологии, который применяется во всем мире и в соответствии с которым каждое национальное, этническое, религиозное или иное меньшинство обладает правом на участие в политической жизни страны не только посредством посильных выборов, но и через представляемые ими организации.

С точки зрения позиционной ориентации Русское национальное единство, на мой взгляд, праворадикальное движение. Ну, например, они заявляют о том, что, поскольку существование нации не подразумевает иной формы существования, кроме государственной, главной практической задачей РНЕ является возрождение национальной государственности через восстановление русской национальной власти.

В принципе, если мы с вами подумаем, то здесь тоже заявлена национальная идея. Но мы говорим об экстремизме. Тогда как право на самоопределение принадлежит к третьему поколению основных прав и свобод человека (так называемым коллективным правам), которые, к сожалению, недоучитываются. На уровне государственного управления это все не осознается, поскольку в той же концепции защиты прав и свобод человека, проект которой был подготовлен в этом году Комиссией по правам человека, прямо заявляется о том, что коллективные права должны подчиняться индивидуальным. Тогда как на самом деле необходимо искать нам, специалистам, с помощью СМИ правильное сочетание индивидуальных и коллективных прав. По моим представлениям, около 60 процентов населения – люди, которые еще остаются в группе. У них групповой менталитет, они осознают себя только через группу. Это основа традиционного мышления. И только около 40 процентов уже ориентированы на личные права и свободы. Наша беда состоит в том, что эти 40 процентов, которые составляют реальный потенциал движения страны вперед по пути развития, к сожалению, не имеют ресурса, для того, чтобы проявить себя и выявить то, что в них латентно заложено.

С точки зрения позиционной ориентации, усилия этого движения (РНЕ) направлены на искусственную организацию русского народа, большинство которого модернизировалось, то есть предпочитает групповому мышлению индивидуальное, а значит ставит в основу своего статуса

индивидуальные права и свободы. Также с точки зрения позиционной ориентации нужно сказать, что подобного рода объединения составляют серьезную политическую альтернативу КПРФ и ЛДПР, поскольку электорат этих двух партий примерно идентичен.

В настоящее время основные задачи движения РНЕ направлены на распространение русской национальной идеологии, на структурное строительство, расширение его рядов. Здесь, как говорят политологи, наступает стадия политической самоидентификации этой части населения. С политической самоидентификации начинается любая деятельность, направленная на изыскание жизненной, здоровой, рабочей идеологии, распространение этих идей среди потенциальных союзников. Но все-таки нужно сказать, что кое-где та поддержка, которая оказывается этому движению, достигает порогового значения или переходит его. Например, по материалам РНЕ, в Минеральных Водах движение поддерживает не менее 40 процентов населения региона. Вообще считается, что поддержка 30 процентами общества является достаточной для того, чтобы произвести в рамках той территории, где эта поддержка имеется, эффективное политическое действие, эффективные политические акты (я имею в виду даже акт, связанный, скажем, с захватом власти). Поэтому, хотя в целом по стране движение находится на стадии начальной политической деятельности, концентрация поддержки этого движения на местном уровне становится достаточно значимой.

Что касается целей Русского национального единства, то я рассматриваю их в соответствии с декларируемыми движением требованиями. Требования РНЕ имеют режимный характер, то есть они претендуют на конфликт с властью, именно режимный конфликт.

Причем этот режимный конфликт имеет ценностную основу, то есть в основе требований РНЕ лежат ценности традиционалистского фундаментализма. Затем, это так называемая гегемонистская модель поведения с нацеленностью на победу. Они уверены, по их заявлениям, что они решат свои проблемы. Но в целом эти требования направлены все-таки на региональный уровень власти, хотя латентно они имеют федеральное значение.

По поводу оппозиционных действий я могу сказать как конфликтолог, что движение уже прибегает к манифестированному насилию: это было и в 1991 году, и в 1993 году, когда они участвовали в обороне Белого Дома и взятии мэрии Москвы, – и ориентировано на борьбу. Все это соответствует традиционалистской манере поведения.

Р.Бекерман:

– Скажите, пожалуйста, о каком уважении к убеждениям Вы говорили применительно к РНЕ? И второй вопрос, только заранее прошу прощения, не кажется ли Вам, что Ваше сегодняшнее выступление было бы встречено громом аплодисментов на съезде РНЕ?

Э.Скакунов:

– Я исхожу из того, что вообще современное общество, в котором мы живем, предполагает не противопоставление одной стороны другой в качестве врагов и не победу одной стороны над другой, не борьбу, а стремление к урегулированию. Хотя это не исключает и обязательно сопровождается в тех моментах, которые я отметил, манифестированным насилием со стороны государства. Необходимо осуществлять какие-то запретительные меры, одни из них уже сейчас реализованы, а другие обсуждаются. Я не ставил перед собой задачу представить проблему противодействия экстремизму, но попытался объяснить, что мы живем в одной стране и не должны вести гражданскую войну друг с другом. Вся проблема в том, что в определенной мере возникновение социальной базы этого движения является следствием непродуманной политики, которую осуществляло государство в советское время и в нынешние времена.

Государство никогда не сможет решить эту проблему только репрессивными мерами. Необходимо сочетание запретительных мер с такими мерами, которые бы исправляли ситуацию в обществе, искореняли социальную, политическую дискриминацию, и тем самым будет уменьшаться угроза и значимость подобного рода движений. Я хотел сказать, что при той ситуации, в которой мы живем, подобного рода движения лично для меня как для конфликтолога не являются неожиданностью. Многие из того, что сейчас происходит, мы в свое время предсказывали.

Р.Бекерман:

– Я не понял один Ваш тезис. Вы сказали, что требования РНЕ главным образом направлены на региональный уровень. Но, коль скоро Вы взялись за эту проблему, я думаю, Вы читали их последнюю программу, которая год назад была ими сформулирована. Речь-то идет и об

общегосударственном уровне.

Э.Скакунов:

– Я сказал, что в реальных своих действиях пока их движение ограничивается региональным уровнем, но заявляемые ими требования, безусловно, являются федеральными. Они направлены на федеральную власть.

С.Бочарова:

– Не кажется ли Вам, что равнодушие наших властей и недооценка национал–патриотического и национал–экстремистского движения приводят к тому, что сегодня это движение становится довольно реальной силой. В том районе Москвы, в котором я живу, я вижу, как баркашовцы каждый день ходят со свастиками, как они демонстрируют свою силу. Есть решение Лужкова о запрете проводить в Москве съезд РНЕ. Но, может быть, не надо было доводить до того, чтобы незарегистрированная партия устраивала всероссийский съезд? И почему мы закрываем глаза на действия РНЕ? Все Измайлово, Тушино заклеено их листовками. Никто никогда не запрещал ни одной их газеты, никто никогда не выступил против Баркашова открыто со стороны власти. И общественные организации не очень сильно сопротивляются. На кухне говорят о том, что это страшно, а дальше кухня в основной своей массе разговор не идет. В феврале этого года было заседание Международного бюро мира, которое обсуждало вопрос о продвижении НАТО на Восток. Я там выступила и сказала: "Господа, о чем вы говорите? О какой угрозе продвижения НАТО на Восток может идти речь, когда в России зреет угроза не только для России, но и для всей Европы, национал–фашизм поднимает голову". Как Вы к этому относитесь?

Э.Скакунов:

– Я к этому отношусь плохо. И хотел как раз сказать, что принимать меры необходимо не только на уровне репрессий, когда все уже, как говорится, готово, а по всем этим ступеням, о которых я говорил: дискриминация, мобилизация, заявление требований, – и потом уже действовать. Мы начинаем чесаться, когда действия уже произошли. А по сути дела, это должен быть регулируемый процесс, который должен отслеживать все эти проблемы от их зарождения до их разрешения. Ну, к чему мы придем, если мы ориентированы на то, чтобы воздействовать не на сам механизм возникновения этого движения, а оставлять за собой только большую палку, которой мы будем бить по головам? Мы придем опять к той же войне, которая неоднократно была в нашей стране.

И.Харламова:

– Эдуард Иванович, Вы все время говорите о репрессиях. У нас есть Закон "Об общественных объединениях", который запрещает общественным объединениям создавать военизированные формирования. Национал–экстремисты нарушают этот Закон тем, что имеют военизированные формирования. Разве можно говорить о репрессиях в отношении общественного объединения, нарушающего закон, когда государство должно стоять на страже закона?

Э.Скакунов:

– Мы сейчас говорим более широко. Мы допустили развитие ситуации до того, что действительно, согласен с Вами, необходимо принимать какие–то санкции, санкции на разных уровнях. Мы виноваты в том, что мы допускаем эти проявления, когда мы оказываемся перед угрозой уже самих действий. Я говорю в данном случае про власть. Наши власти отражают полярное видение тех предметов, которые составляют суть стабильности в обществе и в государстве. У нас радикалы слева поднимаются на уровне 60 процентов, сейчас радикалы справа будут перекачиваться, но в сумме это опять будут радикальные решения, связанные с применением силы, использованием карательного потенциала. А политические силы, которые представляют центр (это прежде всего левые консерваторы, правые либералы), имеют минимальное влияние. Мы сами избирали эту власть, она представлена радикальными, оппозиционными друг другу силами. Найти решение в рамках власти путем согласования между парламентом и исполнительной властью, правительством и президентом – это колоссально сложный процесс. Во власти у нас представлены люди, которые придерживаются антагонистических представлений о путях страны и способах решения проблем.

М.Рац:

– Мне кажется, это тот случай, когда надо расставить точки над "i". Существуют рамки права. Цивилизованное государство может существовать только в рамках права. Исключение из жизни страны всякого рода экстремизма и фашизма есть дело власти. Если власти нет, то при отсутствии

сформировавшегося гражданского общества, страна оказывается в безвыходном положении. Сейчас, когда только–только начинают формироваться прототипы будущего гражданского общества, призывать тех, кто только–только начинает осознавать себя в качестве граждан, выходить на борьбу с Баркашовым, как это делает Вячеслав Алексеевич Никонов, значит призывать к гражданской войне, причем заведомо проигрышной для демократии. Потому что, конечно, баркашовцы победят. Следовательно, выход есть только один. Я полностью согласен с Вячеславом Никоновым, что мы либо остановим их сейчас, либо мы их не остановим никогда, но остановить их сейчас может только государственная власть. Либо она это сделает, либо она этого не сделает. Мы можем только по возможности содействовать и голосовать за ту власть, которая их остановит.

Э. Скакунов:

– Я согласен, что сейчас необходимы государственные меры, которые бы прекращали деятельность национал–экстремистских организаций. Мне давно уже было непонятно, как могут допускаться организации, которые открыто провозглашают насильственное изменение режима в стране. Я просто хочу сказать, что этого недостаточно. Мы можем запрещать, но как юрист, доктор юридических наук я могу сказать, что сами запреты никогда нигде не приводили к какому–то нормальному результату, если они не сопровождались мерами, которые искореняли причины этого явления. Это очень важно. Мы все время живем так, как будто у нас есть сегодняшний день, а завтрашнего не будет. Это же абсурдно. Государство – это постоянно действующий механизм, включающий различные структуры, которые дифференцированно должны выполнять свои задачи на постоянной основе. Если государство не выполняет этих обязанностей, возникают заменяющие его структуры. И тогда появляются лезгинские отряды самообороны, я уж не говорю про чеченцев. В Северной Осетии еще в 1992 году была создана национальная гвардия (три вида объединений), которая принимала участие в конфликте на территории Пригородного района.

Реплика:

– Есть вопрос, который неоднократно уже здесь поднимался. Мы все приходим к тому, что власть должна, государство должно, но не делает. Если мы сейчас здесь апеллируем к власти, где тот представитель власти, который может это услышать? Его нет. Раз его нет, давайте решать, что мы можем сделать. Об этом, может быть, стоит поговорить.

И. Харламова:

– На этом круглом столе должен был выступать заместитель министра национальной политики Цаголов Ким Македонович, то есть представитель исполнительной власти. Его сотрудник клятвенно меня заверял, что он будет. Также мы приглашали представителя Администрации Президента РФ. И их отсутствие наводит на грустные размышления. Наш с вами разговор очень много потерял от того, что нет здесь представителей власти. Я думаю, что к ним было бы очень много вопросов. Кроме того, принять участие в нашем круглом столе были приглашены представители ведущих демократических партий. Я точно знаю, что Сергей Николаевич Юшенков получил приглашение, и я была уверена, что он будет. Я лично приглашала Иваненко Сергея Викторовича, заместителя председателя фракции "Яблоко" в Госдуме. Как видите, их тоже нет. И это еще одна наша проблема – пассивная позиция демократических партий по сравнению с активными действиями национал–экстремистских организаций.

Л. Дадани:

– Господин Скакунов сказал, что он не понимает, почему власть никогда не боролась против РНЕ. А мне как раз понятно, и я хотел бы эту мысль высказать, может быть, она какое–то значение для нашей сегодняшней дискуссии имеет. Вот почему: потому что и РНЕ, и организации, скажем, Касимовского, и другие – они не только против реформаторов–демократов, но они и против коммунистов. И власть, и спецслужбы это используют. Эта тактика привела к тому, что все эти организации – РНЕ и другие – растут и укрепляются. Здесь никто не говорит о том, почему демократические молодежные организации не занимаются борьбой против наркомании и пьянства, охраной общественного порядка. РНЕ имеет возможность убеждать целые слои населения, они этим занимаются и выигрывают по очкам, бьют демократов. Это хорошо, конечно, что Лужков запретил проведение съезда РНЕ в Москве. Но Лужков запретил этот съезд, когда уже пять тысяч человек собрались в Москве. И, действительно, к чему это приведет? Вот как далеко у нас в России дела зашли, в то время как мы занимаемся иной раз какими–то мелкими вопросами, спорим по каким–то десятой важности формулировочкам.

М. Красносельский:

– Мы все здесь, я полагаю, единомышленники. Поэтому я думаю, мы должны выработать предложения по искоренению национал-экстремизма, по противодействию ему. Конкретные четкие предложения. Еще надо обдумать, кому эти предложения предъявить (Ельцину? Примакову?).

Мы должны обозначить четко и ясно: фашизм наступил. Я хочу возразить Андрею Здравомыслову и сказать вот что: да, Советский Союз вместе с союзниками разгромил фашистов и избавил страны Европы от бациллы фашизма. Многие страны Европы переболели фашизмом. Многие страны Европы поставили заслон распространению фашизма как принятием соответствующих законов, так и применением этих законов. К сожалению, Советский Союз, разгромив фашизм, сам заболел фашизмом. Поэтому я еще раз предлагаю перейти к конкретным предложениям.

Здесь было правильно сказано: дело не в репрессиях, а в применении существующих законов. Этого вполне достаточно, чтобы противодействовать экстремизму. Не надо придумывать новых законов. Я принимал участие в разработке новых законов, но считаю, что тех законов, которые уже существуют, вполне достаточно, чтобы поставить заслон фашизму, баркашовцам и иже с ними. Самое главное – желание применять эти законы. А этого желания, к сожалению, мы не видим ни в президентской команде, ни в других структурах. Я считаю, что, помимо формулирования известных предложений по противодействию политическому экстремизму: применение закона, контрпропаганда, просвещение народа, демонстрация того, к чему нас приведет фашизм и т.д., – целесообразно обратиться к мировому общественному мнению, вплоть до ООН, Совета Европы. Надо бить в набат. Что происходит, почему мы молчим